

Автор книг стихов «Машина наваждения» (1994), «Ли Ху Нам. Расписная стена» (1998), «Публичные песни» (1998), «Песня ангела на игле» (2001), «Заебло» (2007), «Индюк» (2009), «Людоедство» (2015), «Зверство» (2015).

Лауреат поэтической премии им. Геннадия Григорьева 2012 г., номинант этой премии в 2013 и 2014 гг.

В 2011, 2012 и 2015 гг. — член большого жюри литературной премии «Национальный бестселлер», в 2013 г. — номинант этой премии.

Живу и работаю в Санкт-Петербурге.

Место рождения — г. Слуцк Минской обл. БССР.

Отец кореец, мать русская.

Детство и школьные годы провела в Белоруссии у бабушки с дедом, а не у родителей в Ленинграде. Закончив школу, приехала в Ленинград, поступила в ЛГУ. Закончила филфак ЛГУ, поступила в 1-й медицинский институт. Врачебная специальность — нейрофи-

зиология. Являюсь основателем и руководителем школы грамотности Романовых в Санкт-Петербурге (осн. 1992 г.) и автором книги «Идеальная грамотность».

Никаких лито и литературных студий никогда не посещала. В период с 9 до 14 лет регулярно печаталась в республиканских детских и юношеских газетах и журналах в БССР, за что в 1969 г. получила путевку в Артек как юная поэтесса. Правда, все стихи за меня тогда писала моя бабушка, так что незаслуженная поэтическая слава пришла ко мне гораздо раньше, чем я взялась за перо самостоятельно.

Из известных всем поэтов старой школы никакого влияния на меня никто не оказал. Зато оказала серьезное влияние поэзия молодых музыкальных групп «Птицу Емь», «The cold dicks» и «7011». Из классиков нравятся Георг Тракль, Третьяковский и Жуковский. Поэтому я недавно купила огромную квартиру на ул. Жуковского и в ней живу. Из современников читаю А. Анашевича, А. Дельфина (Германия), А. Гальпера (США).

В своем творчестве главным считаю сознательный уход от лирики и лирического героя: это в нем полностью отсутствует и является характерной особенностью. Стремлюсь показать жизнь в современной России с разных сторон через особенности речи населяющих ее персонажей: жителей провинциальных русских городов, маргиналов, подростков, техногенных мутантов. Занимаюсь исследованием человеческого ужаса на стыке городской мифологии и реальности в России первой трети XXI в.

ПОЛОВИНА

Знакомый парень снимал каморку у одной бабки. Жизнь со старухой — полная жопа и компромисс. Единственный бонус — это довольно скромные бабки, которые ему назначила престарелая мисс. Анна Петровна была незамужней чайлдфри без родственных связей, до гробовой доски обрученная с зомбоящиком. Но это намного лучше, чем с пьяницей дядей Васей Или, того не легче, с интеллигентным ящером, который сейчас сидел бы и зырил порево, а после долго сопел и кряхтел в сортире.

Еще и лекции вел в какой-нибудь школе бы, что надо ходить на танцы в презервативе.

Пожилая дама всегда была при полном параде: пять сантиметров пудры скрывали ее лицо.

Черты Мэрлина Мэнсона проступали в ее одноглазом взгляде с черной подводкой и в шмотках, надетых заподлицо. Приятель ходил на цырлах по одной половине, ночами как мышь лежал, боясь двинуть рукой-ногой, днем опасался лишней раз перед ней появиться, встретить на кухне, в ванной, увидеть ее нагой. А вдруг старуха возьмет и резко поднимет платье? И вот тут-то взору предстанет нечто такое, что убивает сразу, чего нельзя описать, и она подойдет вплотную, зажав ему рот рукою. Однажды она исчезла, ее не было около месяца. И вот звонит телефон (на рингтоне песня Шакиры). И врач ему говорит, что с бабкой случилось месиво: что ей отрезало ноги. И наповал шокировал: — Пенсионерка Зуева бросалась в метро под поезд на почве несчастной любви к своему квартиранту якобы. И тут оказалось: парень готов на моральный подвиг — он твердо решил с калеккой сочетаться законным браком. Законным, а не фиктивным — не ради квадратных метров. Пусть старая и без ног — он станет ее мужчиной, единственным на всю жизнь. К тому же все люди смертны: не факт, кто умрет вперед и по каким причинам. Он эту тему спокойно озвучил мне как подруге. На все вопли, сопли, истерики он забил. В больнице молча взял обрубок тела на руки, отнес домой и в фактический брачный союз вступил. И хоть он вступил в союз с половиной тела, с одной второю, собственно, образно говоря, он совершил по сути благое дело: его никчемная жизнь прожита не зря. И пусть все вокруг корыстны, грязны, убоги, но подвигу в жизни по-прежнему место есть: она на алтарь любви положила ноги, а он свою никому не нужную честь. При том, что супруга тоже была невинной, себя соблюдая для него на исходе дней. Теперь он с любовью зовет ее «половиной», немного смущаясь и нежно склоняясь к ней.

ДЯДЯ САША

Мою сестру нашли с животом распоротым.
Ее труп уже объели собаки, и он распух.
Она говорила, что надо валить с нашего города,
в Москву или, в крайнем случае, в Петербург.
Она давно забила на школу, поэтому никто и не парился,
что ее две недели нигде не было вообще.
Все думали, что она опять посралась со своим парнем
И свалила — ага, без денег и без вещей.
А ее парень — так это одно название.
Не работал, жил где попало, спал на полу.
Он пришел, такой — уже вставленный — на опознание,
вынул жевачку, приклеил ее к столу.
Она с шестого класса по-взрослому жила с дядей Сашей —
это как бы наш отчим, типа сожитель матери.
Он работает главным на распродаже
конфиската. Мы на шмотки денег не тратили.

А приходили к нему на базу и набирали чего нам надо.
Мы не хотели, чтобы дядя Саша от нас ушел.
Ко мне он тоже лез руками куда не надо,
говорил: не бойся, я сделаю тебе хорошо.
Мне было немного стыдно, но я терпела.
Хуже дяди Саши в сто раз — это наша мать.
Она в тюрьму идти не хотела
и от мусарни пряталась под кровать.
Меня допрашивали в присутствии двух психологов,
где в этот день были мать и сожитель ее — завхоз.
Мать сейчас в тюремной больнице как больная на голову.
В руке у мертвой сестры нашли ее клочок волос.
Это я ее волосы из расчески повыдергала,
перед тем, как сестру заманить в заброшенный дом.
Надо было ей раньше ехать в Москву или Питер.
Нефиг было откладывать на потом.
Было ясно, что она сама никуда не денется.
Я решила избавиться сразу от всей родни.
В этот день закончилось мое детство.
Теперь с дядей Сашей мы будем жить одни.

МИГРАНТКА

На районе зашкаливает преступность.
Мои дети дома одни.
Я стою в магазине шаговая доступность
двое суток через одни.
Дети тихо сидят, как в норе звери.
Выйдешь из дому — и убьют.
Половик висит у нас вместо двери,
воплощая собой уют.
В магазин под утро заходит тетка
в грязном коконе из старья.
Видно, снова ее пропитая глотка
пересохла, как Сырдарья.
Тетка грязной рукою сует купюру
в ползарплаты моей почти.
Говорит: "Вот это тебе за Юру:
в бога душу его ети!
Он культурный парень, читает книги.
Не болтун — в основном молчит.
В голове, правда, есть небольшие сдвиги:
круглосуточно он дробит.
Я ищу ему бабу, своёму Юре —
он непьющий, не наркоман", —
и еще две сотенные купюры
переправила в мой карман.
Я взяла детей из полуподвала,
пару тапок, пару носков,
чтобы жить, о чем я давно мечтала,
на проспекте Большевиков.
Я по-честному ночью подлезла к Юре:
мол, теперь я твоя жена.
Только Юра дал мне понять, как дуре,
что жена ему не нужна.
А нужны как раз таки только дети,
да и в общем-то, не ему.
А кому? — таков сетевой маркетинг,
что не важно даже кому.
За двоих заплатят (уж как угодно)
денег тысяч до двадцати,
если их возьмут в магазин «Народный»
для торговой мясной сети.

Их загнали ночью, как арестантов,
как баранов — в пустой гараж,
где мигранты делают из мигрантов
на продажу колбасный фарш.
Я с тех пор жила в сексуальном рабстве
у мамыши его, коблы.
До тех пор, пока в одном педерасте
не узнала Мамед-Оглы.
Это был охранник из магазина,
где работала я давно.
Уходя, он мне выдал канистр бензина,
ай, устроила я кино!
Полыхнуло гетто — и все свободны:
полрайона — без дураков!
В том числе сгорел магазин «Народный»
у проспекта Большевиков.
Плохо женщине быть трудовым мигрантом,
жизнь в России не мед, а жесьть,
я хочу устроиться консультантом
в магазин «Все по 36».

КОСМИЧЕСКИЙ ГОСТЬ

Бабки хвалятся друг перед другом похоронным набором.
Нина Ивановна их куратор, она яшкается с попом.
— Ничего, — говорит, — не сцыте: никого пока под забором
не оставили — всех зарюют. И за водкой попрут бегом.
А сама давно подготовилась: гробовых уже накопила,
что хватит похоронить на Ваганьковском полстраны.
И «приданое» себе в гроб в перестройку еще купила.
Моль поела уже и тапки, и фланелевые штаны.
А вон та ничего не копит. В переулке сидит Тамара
круглосуточно — в снег и ветер, и под звездный ночной полет;
без молитвы, в чужой рогоже, неподвижно, с прошлого марта.
Никого ни о чем не просит, ничего не ест и не пьет,

На асфальте сидит Тамара — летом, осенью и зимою,
от дождя и снега не прячься ни в укрытие, ни в подъезд.
Не идет ни с кем — ни в ночлежку, ни в дурку и не за мною,
ничего не берет, не просит, ничего не пьет и не ест.
И вот Тамара исчезла — эксперимент окончен.

В чем его суть, мы не знаем и вряд ли пойдем до конца.
Это случилось, когда вся страна замерла у экранов ночью
в едином порыве с рюмкой и тазиком холодца.
Метеорит в Челябине был протаранен с тыла
Каким-то странным объектом, пробившим насквозь его.
Так вот оно что, Тамара, — понятно, что это было.
Это тебя забрало то самое НЛО.
Короче, за ней прилетели. Даже, можно сказать, — приплыли,
показав россиянам в небе на прощанье огненный фак.
Улетела с ними Тамара, растворяясь в космической пыли.
А за бабками поддудонят в лучшем случае катафалк.

ТОКСИЧНЫЙ МСТИТЕЛЬ

Маргарита Ивановна стала жертвой черных риэлтеров.
Человек человеку волк. Тем более — ради хаты.
Закопают живьем — за двенадцать квадратных метров.
И никто не поможет — ни церковь, ни депутаты.

Поп сказал ей, что надо молиться, каяться,
и потребовал двести баксов на нужды храма.
А когда она к депутатам рванулась кланяться —
там случилась еще и похуже драма.

У нее в коридорах ЗакСа пропала сумка,
и она осталась без пенсии и документов.
В сумке был номерок. Гардеробщица — вот ведь сука —
отказалась вернуть ей без номера шапку с курткой.

И от слуг народа она вышла, по сути, голою:
депутаты ничем не лучше черных риэлтеров.
Вскоре из тихой бродяги, больной на голову,
она стала цепкой крысой темных коллекторов,

завсегдаем труб и сталкером теплоцентров,
супердиггером нор и подземных коммуникаций.
Затаившись в вонючем люке напротив церкви,
провела одну из пробных спецопераций.

Когда поп и дьяк к парковке пошли со службы,
крышка люка сдвинулась еле-еле,
цепь метнулась в ноги — и обе туши
провалились в мрачное подземелье.

А затем — в весеннее утро раннее
интернет взорвала свежая информация:
депутат законодательного собрания
сгинул в сточных водах канализации —

аккурат накануне большого женского праздника —
с ЖКХ и «Водоконала» пьяного попустительства:
свой мандат возле люка выронил из подрясника,
(он подъячим в церкви работал по совместительству).

Маргарита Ивановна никогда не была за пидоров,
про Мадонну и Леди Гагу вообще не слышала.
Она забыла про все человеческие обиды,
став мутантом в крысиных норах — зато и выжила.

Неуместною злою шуткой первоапрельской
в машинистов тычет лазерной папирасой,
впереди поездов метро выгрызает рельсы,
разрывает когтями стальные электротросы.

Очень скоро наступит последний кризис.
Вся Россия съежится, как паук.
Тогда она вьедет верхом на горящей крысе
и сожжет весь город Санкт-Петербург.

БАЛТИЙСКИЙ ВЕТЕР

В туалете Финбана я был изнасилован пьяным финном.
Я не стал торчком и шакалом, нанявшись шестеркой в банду.
Я твердо решил, что стану убийцей и педофилом,
а это круче, чем итээром, рабкором, облезлым бардом.
Или борцом за права человека. Пока на кухнях
«совесть нации» пела козлиными голосами
Окуджав и Галичей всяких тухлых,
я по Нарвской заставе бродил часами.

Там много школ, а главное — детская богадельня —
специнтернат для психов и зэпээров.
Но не закрытый — типа «Скворечника» на Удельной,
а открытый — просто для шизнутых пионеров.

Я научил их выпиливать лобзиком по фанерке,
пересказывал научно-фантастические сюжеты.
Я показал, как ходить по туннелю на Канонерку,
и покупал им пиво и сигареты.

Потому что в нормальных школах все курят да и бухают.
Я хотел, чтобы и эти были ничем не хуже.
На Лифляндской в парке, где гопники отдыхают,
в водоеме мешок с телами был обнаружен.

Романтический скрип уключин был прерван воплем.
Из мешка под веслами выплыло три обрубка.
Глядя вниз с колеса обозренья, я думал: "Вот, блин,
счастья в жизни бывает мало, и счастье хрупко".

Я смотрел на дело рук своих равнодушно:
что за жизнь у них до того, как я их заметил?
А со мною они узнали, что значит дружба,
Канонерский остров, крик чаек, балтийский ветер.

Дальше жить после этого им не имело смысла:
я не мог их пасти всю жизнь, быть все время рядом.
Да меня бы совесть, как стая собак, загрызла —
я же сам отравил их счастья мгновенным ядом.

И я убил их в заброшенном здании пивзавода
на Степана Разина... днем. В солодовом цехе.
Но их смех все явственней год от года.
В крике чаек. В портовом лязге. В балтийском эхе.